

А
Р
Х
И
В

ЧУЖИХ СЛОВ

Mira Vane

Mira Vane

Архив чужих снов

<https://litres.ru/74545503>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера Лагеркранц получает письмо без подписи: приглашение на работу в Шведский институт сновидений, расположенный в заброшенной психиатрической клинике. Её задача — систематизировать сорок семь тысяч записей чужих снов: аудио, видео, рисунки. Но среди них она узнаёт собственный кошмар, который преследует её с детства, — белый коридор с дверями, за которыми кто-то спит. Один и тот же сон повторяется у тысяч незнакомых людей с одинаковыми деталями, которые она никому не рассказывала. Граница между чужим сном и реальностью стирается: люди из записей появляются на улицах Стокгольма, а её квартира всплывает в архиве за десятилетия до её рождения. Постепенно Вера понимает: архив не хранилище, а ловушка. Кто-то собирает сны, чтобы переписать реальность, и её кошмар выбран шаблоном для новой версии мира. Чтобы остановить это, ей придётся пройти по коридору до конца и заплатить цену, которую она не ожидала.

Содержание

Часть первая. Сон, который не отпускает

4

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Mira Vane

Архив чужих снов

Часть первая. Сон, который не отпускает

Глава 1. Приглашение

Письмо пришло во вторник, в начале ноября, когда стокгольмское небо уже давно перестало быть небом и превратилось в ровную серую пластину, давящую на крыши, на деревья, на воду залива Риддарфьорден, на макушки людей, вышедших из метро на станции Гамла стан. Вера Лагеркранц стояла у окна своей квартиры на четвёртом этаже дома на Свеавеген и смотрела, как дождь рисует по стеклу короткие косые линии, каждая из которых начинается и заканчивается почти одновременно, будто стёрлась с мыслью закончиться. Она только что закончила магистратуру по архивному делу в Стокгольмском университете и уже три недели безуспешно искала работу. Не то чтобы работы не было. Была. Но каждая вакансия, которую она открывала на сайте Arbetsförmedlingen, казалась ей железной клеткой: описания

должностей были написаны языком, лишённым какого-либо дыхания, и Вера думала, что если язык объявления мёртв, то и работа, им описанная, тоже мертва, и она будет мертва на ней, и это будет правильное слово, не метафора.

Она уже решила, что сегодняшнего письма от(hr-отдела Королевской библиотеки) ждать не стоит, потому что отказы приходят по вторникам, а приглашения по четвергам, она это заметила, хотя статистика была мала и закономерность могла быть случайной. Она уже решила заварить чай, не шёлковый чай, а обычный, в пакетиках, которые купила в "Икеа" по дороге домой, и уже потянулась к чайнику, и уже коснулась его ручки, когда телефон на столе тихо звякнул.

Письмо было без подписи в поле "от кого". Там стояло только: "". Вера сначала подумала, что это спам, потому что домен был странный, не из тех, что она знала, и сама конструкция "archives-dreams" выглядела как плохой перевод с какого-то языка, на котором слова ещё не договорились о порядке. Но тема письма была конкретной: "Приглашение на должность архивного catalogist, Шведский институт сновидений". И дальше, в теле письма, шёл текст, написанный правильным, но слишком ровным шведским, словно его переводил человек, который знает все слова, но не знает, что некоторые из них бывают тёплыми:

"Уважаемая Вера Лагеркранц, Ваша кандидатура была рекомендована для позиции каталогизатора в Шведском институте сновидений. Институт является подразделением Ка-

ролинского института и располагается в здании бывшей психиатрической клиники в районе Конгенс-Курва, к северу от Стокгольма. Работа связана с систематизацией архивных записей сновидений, собранных за период с 1962 по 2024 год. Формат записей: аудио, видео, рисунки, текстовые описания. Объём фонда: приблизительно 47 000 единиц хранения. Трудоустройство: полная ставка, контракт на один год с возможностью продления. Заработная плата: 38 000 крон в месяц до вычета налогов. Если вы заинтересованы, просим явиться по адресу Конгенс-Курва, 12, в четверг, 3 ноября, к 9:00. С уважением, Администрация Шведского института сновидений."

Вера перечитала письмо трижды. Не потому что не поняла, а потому что каждый раз находила новую странность. Первый раз она заметила слово "catalogist", написанное латиницей внутри шведского текста, как заноза. Второй раз она обратила внимание на адрес: Конгенс-Курва, 12, она знала этот район, там действительно стояло большое кирпичное здание, построенное в конце девятнадцатого века для психиатрической больницы Конгсё, но больницу закрыли в 1980-х, и с тех пор здание переходило от одного собственника к другому, и каждый раз газеты писали, что теперь там будет что-то полезное, но ничего полезного там не появлялось. Третий раз она увидела, что в письме не было номера телефона, не было имени конкретного человека, не было приглашения прислать резюме, не было просьбы подтвердить получение.

Только адрес и время.

Она заварила чай, села за стол и стала смотреть на письмо так, как смотрят на предмет, который не хочешь трогать, но и отвести взгляд не можешь. За окном дождь усилился, и по стеклу побежали новые линии, уже не короткие, а длинные, будто небо нашло, что сказать, и говорило теперь без запинок.

Через полчаса она ответила. Написала коротко: "Я приду." Отправила. Ответа не последовало, но она и не ждала ответа. Она уже знала, что пойдёт. Это знание не было ни радостным, ни тревожным. Оно было простым и полным, как камень.

Той ночью ей приснился старый сон.

Она знала его с детства, знала каждую его деталь, каждый поворот, каждый звук, знала так, как знают дорогу от дома до школы, по которой шли тысячу раз, и всё равно каждый раз идут по ней, потому что другой дороги нет. Сон начинался всегда одинаково: она стоит в длинном коридоре, стены которого обиты белой плиткой, как в больнице или в бассейне, но ни больницей, ни бассейном это место не было, потому что плитка была не той, какую кладут в больницах и бассейнах, а какой-то другой, слишком белой, слишком ровной, слишком чистой, будто её не касалась ни грязь, ни время, ни свет. Коридор уходил вперёд и слегка загибался влево, так что конца его не было видно, и Вера знала, хотя не видела, что конца у него не было, что он загибался по кругу, и если

пойти по нему, то вернёшься туда же, откуда начал, только уже не помнишь, что начал.

В коридоре были двери. Много дверей. По обеим сторонам, на одинаковом расстоянии друг от друга, одинаковые, с одинаковыми ручками, без номеров и табличек. Вера знала, что за каждой дверью кто-то спит. Не люди. Не существа. Кто-то. Она не могла это объяснить, но это знание было самым твёрдым знанием во сне, твёрже, чем знание собственного имени, твёрже, чем знание того, что дважды два четыре. За дверями кто-то спал, и спал так, что его сон просачивался сквозь щели под дверями, как вода, как туман, как что-то, чему нет названия в языке, на котором Вера думала.

И ещё был звук. Низкий, ровный, на одной ноте, не музыка и не шум, а что-то между, как гул трансформаторной будки, только живой, только тёплый, только с дыханием. Этот звук шёл из-за всех дверей одновременно, и он складывался в одну волну, и волна эта заполняла коридор, и Вера стояла в ней, и волна не давила и не пугала, а просто была, как бывает воздух, в котором ты стоишь и не замечаешь его, пока не изменишь высоту.

Потом она шла. Всегда шла. Не могла не идти. Идти было так же естественно, как дышать. Она шла по коридору, и двери мелькали слева и справа, и звук не менялся, и плитка не менялась, и изгиб не менялся, и она знала, что идёт по кругу, и знала, что не остановится, и знала, что это не страшно, и именно это отсутствие страха было самым страшным,

потому что страх, по крайней мере, значит, что ты ещё отличаешь правильное от неправильного, а здесь нечего было отличать.

И потом она слышала шаги. Не свои. Другие. За спиной. Она оборачивалась, и в этом весь сон, потому что когда она оборачивалась, коридор был пуст, но звук шагов не прекращался, он продолжался, и он был не за спиной, а уже вокруг, уже везде, уже внутри, и белый цвет плитки начинал темнеть, не темнеть даже, а густеть, как густеет молоко, когда в него капают йод, и темнота ползла по стенам, и звук шагов становился громче, и Вера хотела бежать, но не могла, потому что не знала, в какую сторону бежать, коридор же круглый, и бегство в любую сторону ведёт к тому же месту, и темнота добиралась до неё, и в последний момент, когда темнота почти касалась её лица, она просыпалась.

Всегда в один и тот же момент. Всегда с одним и тем же чувством: что проснулась не вовремя, что не успела увидеть что-то важное, что темнота не враг, а послание, и она не прочитала его.

Вере было семь лет, когда этот сон пришёл впервые. Сейчас ей было двадцать шесть. За девятнадцать лет он повторялся, по её подсчётам, триста с лишним раз. Не каждую ночь, но часто, и с годами всё чаще, как будто он рос вместе с ней, как будто у него был свой график, свой ритм, своё расписание, и оно не совпадало с её, но постепенно приближалось, и в последние полгода он приходил почти каждую неде-

лю, а иногда и дважды в неделю, и Вера перестала его бояться, потому что бояться того, что повторяется триста раз, это как бояться будильника, который звенит каждое утро: ты его выключаешь и идёшь дальше.

Но в ночь после письма сон был другим.

Всё было как всегда, белый коридор, двери, звук, шаги, темнота, но в самом конце, в ту долю секунды, которая отделяла темноту от пробуждения, Вера увидела лицо. Лица никогда раньше не было. Темнота всегда была темнотой, пустой и однородной, как закрытые глаза. Но на этот раз в темноте возникли черты: нечёткие, расплывчатые, как у человека, стоящего за стеклом, по которому течёт вода. Лицо было мужским или женским, она не успела понять. Оно было спокойным. Оно смотрело на неё. И оно шевелило губами, и Вера почти слышала слова, почти, но не слышала, потому что проснулась.

Было три часа ночи. Дождь за окном прекратился. Город был тих, и в этой тишине Вера лежала и думала о письме, и о сне, и о лице, и о том, что лицо было знакомым, но она не могла вспомнить, откуда, как будто встретила его в книге, которую читала давно и забыла название.

Она не уснула до утра.

Глава 2. Дорога

В четверг Вера встала в шесть, хотя встать нужно было в

семь, потому что путь до Конгенс-Курва занимал сорок минут на метро и ещё двадцать минут пешком, и она могла бы поспать ещё час, но сон не шёл, и она лежала в темноте и слушала, как город просыпается: сначала garbage truck, тяжёлый и недовольный, как человек, которого подняли слишком рано, потом первые шаги на лестничной площадке, потом отдалённый звук метро, глухой, как сердцебиение, которое слышишь, когда прижимаешь ухо к чьей-то груди, а потом свет, бледный, ноябрьский, не солнечный и не лунный, а такой, будто небо просто перестаёт быть тёмным, без всякого энтузиазма.

Она оделась тщательно, но не нарядно: тёмные брюки, серый свитер, ботинки на низком каблуке, потому что не знала, куда пойдёт и сколько будет стоять и ходить, а ходить в незнакомом месте в неудобной обуви это глупость, которая стоит дороже, чем кажется. Она взяла с собой паспорт, потому что в Швеции паспорт это документ, который открывает больше дверей, чем ключи, и документы об образовании, хотя письмо не просило их принести, но Вера была из тех людей, которые берут лишнее, потому что не взять и оказаться без нужного хуже, чем взять и тащить лишнее. Ещё она взяла блокнот, простой, в линейку, без логотипов и надписей, и ручку, чёрную, тонкую, потому что если работа связана с архивом, то записи понадобятся, и делать их в телефоне неудобно, потому что телефон шумит, а записи требуют тишины.

На улице было холодно, но не морозно, и ветер с залива пах солёным и мокрым, и Вера шла к метро по Свеавеген, мимо цветочного магазина, который ещё не открылся, мимо пекарни, которая уже открылась и из которой пахло корицей и маслом, и Вера зашла и купила булочку с кардамоном, не потому что была голодна, а потому что тепло булочки в ладони было хорошим ощущением для утра, в котором ты идёшь на новую работу, о которой ничего не знаешь.

В метро было пусто. Ноябрьские утра в Стокгольме пусты, потому что темнота ещё не ушла, и люди, которые могли бы ехать, откладывают поездки до света, будто свет это разрешение. Вера села в вагон, достала блокнот и написала на первой странице: "3 ноября. Конгенс-Курва, 12. Шведский институт сновидений." Потом подумала и добавила: "Письмо без подписи. Домен archives-dreams.se. Зарплата 38 000. Что это за институт?"

Она не знала. Она не слышала о нём раньше. Она училась архивному делу четыре года и два года магистратуры и за это время прочитала сотни страниц о шведских архивах: о Королевской библиотеке, о Национальном архиве, о архиве Скандинавского музея, о архиве Радио и телевидения, о десятках малых и больших хранилищ, разбросанных по стране, как яблоки по земле после ветра. Но Шведского института сновидений среди них не было. Она проверила вчера вечером: гугл выдал две ссылки, обе на страницы, которые не открывались, обе с одинаковым доменом archives-dreams.se,

обе с ошибкой 404, будто сайт существовал, но не хотел, чтобы его читали.

Вера пересела на зелёную линию на Т-Сентрален и поехала на север, и за окнами вагона город стал реже, и каменные дома сменились деревьями, а деревья сменились пустырями, а пустыри сменились заборами, за которыми что-то было, но что именно, не разобрать, потому что туман лежал на земле, как одеяло, под которым спит что-то большое.

Станция Конгенс-Курва была последней на ветке. Вера вышла и оказалась на маленькой платформе, с которой уходили два пути: один асфальтированный, к посёлку, стоявшему в полукилометре, другой грунтовый, заросший, уходящий в лес. Табличка на грунтовой дороге гласила: "Конгенс-Курва, 12. Институт." Больше ничего. Ни стрелки, ни указателя, ни логотипа, ни информации о часах работы. Просто слово "Институт", написанное белой краской на дереве, выцветшей и потрескавшейся, как старая кожа.

Вера пошла по грунтовой дороге. Деревья стояли по обеим сторонам, высокие, тёмные, не сосны и не ели, а что-то между, лиственные, но уже без листьев, и ветви их переплетались наверху, и под ними было сумрачно, и шаги её звучали глухо, потому что земля была мягкой, покрытой слоем прелых листьев, и каждый шаг утопал в них, как в воду, и каждый шаг вынимал ногу с тихим звуком, похожим на вздох.

Через десять минут ходьбы она увидела здание.

Оно стояло в clearing, в поляне, которую деревья обходили, будто обрывались у края воды. Кирпич, тёмно-красный, почти коричневый, три этажа, крыша из черепицы, мансардные окна, труба, из которой не шёл дым. Окна на первом этаже были закрыты ставнями, на втором и третьем виднелись стекла, но за стеклами не было света. Здание выглядело так, будто его оставили вчера, а не тридцать лет назад: кирпич не осыпался, ставни не покосились, крыша не провисла. Только деревья, которые подступали к нему со всех сторон, выдавали, что время здесь прошло, и прошло немало, потому что деревья были большие, и стояли они близко к стенам, и некоторые ветви касались кирпича, и в местах касания кирпич был покрыт мхом, тонким, почти прозрачным, как первая седина.

Вера остановилась перед входом. Дверь была дубовая, тяжёлая, с медной ручкой, потемневшей от времени, и медной табличкой, на которой было выбито: "Шведский институт сновидений. 1962." Ниже, мелче: "По вопросам доступа обращаться к администратору."

Вера взялась за ручку. Ручка была холодной, но не ледяной, и рука привычно легла на неё, и Вера подумала, что эта ручка сделана для руки, и рука сделана для этой ручки, и это была странная мысль, потому что все ручки в мире сделаны для рук, но только эту Вера почувствовала так, будто она возвращается к чему-то, а не входит впервые.

Дверь открылась без скрипа.

Глава 3. Архив

За дверью был коридор, и Вера на секунду остановилась, потому что коридор был белым. Стены были выкрашены белой краской, не плитка, как во сне, а краска, но белый цвет был тот же: слишком белый, слишком ровный, слишком чистый, и Вера почувствовала, как сердце делает лишний удар, и потом выравнивается, и она вошла.

Коридор был длинным и прямым, не загибался, и в этом Вера нашла облегчение, хотя знала, что сравнивать коридор в институте с коридором во сне это как сравнивать реку с дорогой только потому, что обе они прямые. Пол был бетонный, выровненный, покрытый чем-то вроде лака, отчего блеск тускло, как вода в тёмной комнате. По правой стороне шли двери, четыре или пять, все одинаковые, серые, без табличек. По левой стороне были окна, но ставни снаружи закрывали их, и свет из них шёл только узкими полосками, и эти полосы ложились на пол, как нити, и Вера ступала через них и каждый раз думала, что нить рвётся.

В конце коридора была лестница, и на лестнице стоял человек. Мужчина, лет шестидесяти, невысокий, в коричневом кардигане, надетом поверх белой рубашки, и в очках с тонкой металлической оправой, и эти очки делали его лицо странным, потому что стекла были сильные, и глаза за ними казались больше, чем должны быть, и взгляд от этого был

интенсивным, не агрессивным, а таким, будто человек смотрит на вас и одновременно на то, что стоит за вами, и не может выбрать, на что смотреть важнее.

"Вера Лагеркранц," сказал он. Это было не вопросом. "Я Пер Олссон. Администратор института. Идёмте."

Он повернулся и пошёл вверх по лестнице, не оглядываясь, и Вера пошла за ним, и их шаги звучали по-разному: его шаги были тихими и мягкими, в тапочках, она заметила, он был в тапочках, серых, войлочных, как больничных, а её шаги были чёткими, ботинки по бетону, и эти два звука, его и её, складывались в ритм, не музыкальный, а механический, как ритм часов, в которых две шестерни разного размера.

На втором этаже коридор был таким же белым, но дверей было больше, и у некоторых дверей были таблички: "Аудио-архив", "Видео-архив", "Графический архив", "Каталогизация", "Хранилище А", "Хранилище Б". Пер Олссон шёл не останавливаясь, и Вера едва успевала читать таблички, и буквы на них запоминались плохо, как будто слова не хотели задерживаться в голове, а проходили сквозь, как вода сквозь пальцы.

Пер Олссон остановился у двери с табличкой "Каталогизация" и открыл её. За дверью была комната, большая, с двумя окнами, закрытыми ставнями, как и на первом этаже, и в комнате стояли четыре стола, и на каждом столе стояло устройство: на первом старый кассетный магнитофон, на втором видеомагнитофон, на третьем сканер, на четвёртом

компьютер, старый, с толстым монитором, похожим на телевизор из девяностых. У стен стояли стеллажи, металлические, серые, и на стеллажах были коробки, картонные, одинаковые, и на каждой коробке был наклеен номер, написанный от руки, чернилами, и номера шли по порядку, от 00001 до того, что Вера не успела разглядеть, потому что стеллажи уходили в глубину комнаты, и за последним стеллажом была дверь, и за дверью, видимо, ещё одна комната, и в ней, видимо, ещё стеллажи, и ещё коробки, и ещё номера.

"Здесь вы будете работать," сказал Пер Олссон. "Ваша задача: систематизировать фонд. Каждая коробка содержит запись одного сновидения. Формат записи указан на коробке: А аудио, В видео, Г графика, Т текст. Ваша задача: внести каждую запись в электронный каталог. Поля каталога: номер, формат, дата записи, имя сновидца если указано, краткое содержание. Краткое содержание вы составляете сами, на основе прослушивания, просмотра или изучения записи. Норма: тридцать единиц в день. Рабочий день: с девяти до пяти. Обед: с двенадцати до часу, кухня на первом этаже. Вопросы?"

Вера хотела спросить много. Она хотела спросить, что такое Шведский институт сновидений и почему она о нём не слышала. Она хотела спросить, кто собирал эти записи и зачем. Она хотела спросить, почему здание бывшей психиатрической клиники. Она хотела спросить, почему в письме не было телефона и имени. Она хотела спросить, кто реко-

мендовал её кандидатуру, потому что она никому не говорила, что ищет работу, кроме сайта Arbetsförmedlingen, и сайт Arbetsförmedlingen не рекомендует кандидатов, он просто размещает их резюме. Она хотела спросить, почему зарплата 38 000 крон, что было немного для архивиста с высшим образованием, но немало для места, куда не нужно ездить каждый день через весь город, потому что она уже знала, что будет ездить каждый день через весь город, потому что не сможет не ездить.

Но она не спросила ничего из этого. Вместо этого она спросила:

"А какие это сны? Чьи?"

Пер Олссон посмотрел на неё поверх очков, и в его взгляде было что-то, чего Вера не смогла определить, не неудовольствие и не удивление, а скорее тень, быстро прошедшая, как облако по воде.

"Чужие," сказал он. "Все сны чужие. Это и есть смысл архива."

Он снял с полки первую коробку, номер 00001, и положил её на стол перед Верой. Коробка была лёгкая, гораздо легче, чем Вера ожидала, и внутри, когда она открыла её, была аудиокассета, маленькая, обычная, с этикеткой, на которой от руки было написано: "А. Мужчина, 34 года. 14.03.1962."

"Начните с этого," сказал Пер Олссон. "Если что-то непонятно, я в кабинете на третьем этаже. Дверь с табличкой "Администрация". Он помолчал. "И, Вера."

"Да?"

"Не берите записи домой. Ни при каких обстоятельствах."

Он вышел и закрыл дверь, и Вера осталась одна в комнате с белыми стенами и серыми стеллажами и коробками, на которых номера шли от 00001 в бесконечность, и тишина стояла такая, что Вера слышала собственное дыхание и ещё один звук, тонкий, постоянный, похожий на гул, и она не сразу поняла, что это гул старого компьютера на четвёртом столе, а когда поняла, успокоилась, но не полностью, потому что гул был слишком похож на звук из сна, тот самый, ровный, низкий, с дыханием.

Она вставила кассету в магнитофон и надела наушники. Наушники были большие, тяжёлые, с поролоновыми подушками, и пахли пылью и старым пластиком, и Вера нажала "play", и услышала.

Голос был мужским, негромким, монотонным, как голос человека, который рассказывает что-то, что уже рассказывал много раз и оттого рассказывает без выражения, механически, и Вера подумала, что так читают лекции профессора, которые читают один и тот же курс двадцать лет, или так диктуют показания свидетели, которые уже устали от полиции.

"Я стою в длинном коридоре. Стены белые. Плитка. Двери по обеим сторонам. Я иду. Не знаю куда. За дверями кто-то спит. Я слышу их сон. Низкий звук. И ещё шаги за спиной. Я оборачиваюсь. Никого. Темнеет. Я просыпаюсь."

Вера сняла наушники.

Она сидела неподвижно и смотрела на кассету, которая медленно крутилась за окошком магнитофона, и две катушки кассеты вращались, и лента переходила с одной на другую, и это было единственное движение в комнате, и Вера смотрела на него и думала, что это совпадение. Конечно, совпадение. Сон про белый коридор не такой редкий. Белый коридор это архетип, Юнг писал об этом, про коридоры и двери, про то, что в бессознательном есть образы, общие для всех людей, и коридор один из них, и двери, и шаги за спиной. Ничего странного. Просто первое, что попало ей в архиве, оказалось первым, что снилось человеку в 1962 году, и это совпадение было пугающим не потому, что было пугающим, а потому, что Вера не ожидала встретить свой сон в коробке номер 00001.

Она снова надела наушники и перемотала кассету назад. Голос повторил то же самое. Слово в слово. Вера записала в блокнот: "00001. А. Мужчина, 34 года. 14.03.1962. Содержание: белый коридор, двери, шаги за спиной, темнота. Совпадение с личным сном."

Она убрала "Совпадение с личным сном". Это не для каталога. Это для себя. Для каталога она написала: "Краткое содержание: сновидец находится в длинном коридоре с белыми стенами и дверями. За дверями слышен сон спящих. Шаги за спиной. Темнота. Пробуждение."

Она взяла следующую коробку. Номер 00002. Тоже аудио. Этикетка: "А. Женщина, 19 лет. 22.03.1962."

Голос был женским, молодым, испуганным.

"Я в коридоре. Белом. Очень белом. Двери. Много дверей. Я иду и иду, а он не кончается. И кто-то идёт за мной. Я не вижу. Я слышу. Я оборачиваюсь, и все белое начинает темнеть. Я кричу и просыпаюсь."

Вера положила ручку на стол. Посмотрела на блокнот. Посмотрела на кассету. Посмотрела на стеллажи, уходящие в глубину комнаты, на коробки, стоящие рядами, на номера, идущие от 00001 к неизвестно чему.

Она встала, подошла к стеллажам и стала читать этикетки, не открывая коробки, просто читая то, что написано на них. Аудиокассеты, видеокассеты, конверты с рисунками, папки с текстами. Даты: 1962, 1963, 1964, 1965. Имена, возраст. И на многих, на очень многих, поверх официальной этикетки была наклеена вторая, маленькая, с одним словом, написанным красным: "Коридор".

Вера отсчитала. Из первых пятидесяти коробок на тридцати двух была красная наклейка "Коридор".

Она вернулась к столу. Села. Открыла блокнот. Записала: "Из первых 50 единиц 32 помечены как "Коридор". Одинаковый сюжет. Белый коридор, двери, шаги, темнота."

Потом она зачеркнула "Одинаковый сюжет" и написала: "Мой сон."

И не стала зачёркивать это.

Глава 4. Первые дни

Вера работала. Она приходила в девять, уходила в пять, и за эти восемь часов, минус обед, она обрабатывала тридцать единиц, как было велено, и из этих тридцати единиц в среднем восемнадцать-двадцать были помечены красной наклейкой "Коридор". Это была не статистика, потому что статистика требует большего числа, но это была тенденция, и тенденция была ясна: больше трети архива состояло из одного и того же сна.

Или не одного и того же. Вера была аккуратна. Она не торопилась с выводами. Она слушала, смотрела, читала, и каждый раз находила различия. В одних записях коридор был шире. В других у стен были скамейки. В третьих потолок был ниже, и сновидцу приходилось пригибаться. В четвёртых двери были не по обеим сторонам, а только по одной. В пятых звук из-за дверей был не гулом, а музыкой, неясной, далёкой, как радио, которое ловит станцию из другого города. В шестых темнота наступала не сзади, а спереди, и сновидец бежал от неё, и бежал по кругу, и возвращался к началу.

Но ядро было одно. Белый коридор. Двери. Кто-то спит за ними. Шаги. Темнота. Пробуждение.

Вера составляла краткие описания для каталога и вела свой блокнот. В блокноте она записывала всё, что казалось ей важным, а важным ей казалось многое. Она записала, что

записи были сделаны не в лабораторных условиях. Это было слышно по фону: на аудио за голосами сновидцев звучали разные шумы, то шаги, то разговор, то музыка, то ветер, и Вера предположила, что записи делались дома, у людей, которые приходили к сновидцам и просили их рассказать сон сразу после пробуждения, и сновидцы рассказывали, и рассказ был записан на кассету, и кассета была положена в коробку, и коробка была пронумерована и поставлена на полку, и так сорок семь тысяч раз.

Кто делал эти записи? Кто создал этот архив? Зачем?

Пер Олссон не отвечал на эти вопросы. Он появлялся один раз в день, в обед, спускаясь на первый этаж, где была кухня, и Вера тоже спускалась, и они ели вместе, и он говорил о погоде, о дороге, о том, что крыша протекает в северо-западном углу и нужно вызвать мастера, и Вера слушала и думала, что он говорит о чём угодно, только не о том, что находится в коробках, и это было не уклонение, а политика, и Вера чувствовала, что политика эта выстроена давно и держится крепко.

На третий день Вера набралась смелости и спросила напрямую.

"Пер, кто собирал эти записи?"

Он посмотрел на неё так же, как в первый день, поверх очков, и сказал:

"Институт."

"Но кто именно? Кто основал институт? Кто проводил за-

пись сновидений? Сорок семь тысяч единиц, это не один человек мог собрать."

"Институт," повторил Пер Олссон. "Это всё, что я могу сказать. Если вас интересует история, в библиотеке на третьем этаже есть папка. Она называется "История института". Можете прочитать."

После обеда Вера поднялась на третий этаж. Здесь коридор был уже, и дверей было меньше, и одна из них была с табличкой "Библиотека". Вера вошла. Комната была маленькая, и в ней стояли два стеллажа с книгами и папками, и у окна стол, и на столе лампа, и Вера нашла папку "История института" на втором стеллаже, между книгой о нейрофизиологии сна и отчётом Нобелевского комитета за 1987 год.

Папка была тонкая. В ней было семь листов, машинописных, и Вера села за стол, включила лампу и стала читать.

"Шведский институт сновидений был основан в 1962 году по инициативе профессора Каролинского института Акселя Фернё, психиатра и сомнолога, автора теории "коллективного бессознательного сна", согласно которой сновидения отдельных индивидов в определённых условиях могут резонировать, формируя общее сновидческое поле. Институт занимался сбором и фиксацией сновидений жителей Стокгольма и прилегающих территорий в период с 1962 по 1989 год. Сбор производился методом "домашней фиксации": волонтеры посещали сновидцев в утренние часы и записывали их сны на аудионосители. В 1989 году деятельность института

была приостановлена в связи с кончиной профессора Фернё. С 1989 по 2024 год фонд находился в законсервированном состоянии. В 2024 году принято решение о систематизации и каталогизации фонда. Для этой цели привлечён архивный специалист."

Вера перечитала последний абзац. "Для этой цели привлечён архивный специалист." Она. Это была она. Специалист. Не по имени, не по квалификации, а просто "архивный специалист", как будто любой годился, как будто это была работа, которую мог сделать кто угодно, и от этого она почувствовала лёгкий холод, не от текста, а от того, как текст был написан: безлично, безразлично, безличностно, как будто человек, писавший его, знал, что специалист это функция, а не человек, и функцию можно заполнить кем угодно, и кем угодно оказалась она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.